

Д. Н. Жаткин, С. В. Бобылева

**К ВОПРОСУ О БАЙРОНИЧЕСКИХ МОТИВАХ
И ТРАДИЦИЯХ ТВОРЧЕСТВА ДЖ.-Г. БАЙРОНА
В ПОЭМАХ И. И. КОЗЛОВА¹**

Аннотация. С учетом тенденций развития «русского байронизма» раскрыты байронические мотивы и традиции творчества Дж.-Г. Байрона в поэмах И. И. Козлова (1779–1840), написанных в 1820-е гг. Подробно анализируются параллели между «Гяуром» Дж.-Г. Байрона и «Чернецом» И. И. Козлова, причем для обоснования байроновского влияния привлекаются материалы русской литературной критики 1820–1830-х гг. (П. А. Вяземского, А. Д. Улыбышева, В. Г. Белинского и др.), отклики современников (А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского и др.). Отдельно рассматривается вопрос о влиянии байроновского «Гяура» на замысел поэмы И. И. Козлова «Безумная», вызвавшей неоднозначную реакцию в литературных кругах своего времени.

Ключевые слова: И. И. Козлов, поэзия, реминисценция, традиция, литературная критика, байронизм, русско-английские литературные связи, межкультурная коммуникация, художественная деталь.

D. N. Zhatkin, S. V. Bobyleva

**ON THE ISSUE OF BYRONIC MOTIVES AND TRADITIONS
OF WORKS BY G. G. BYRON IN POEMS BY I. I. KOZLOV¹**

Abstract. Taking into consideration tendencies of «Russian Byronism's» development the article discovers Byronic motives and traditions of G. G. Byron in poems by I. I. Kozlov (1779–1840), written in the 1820-s. It gives detailed analysis of the parallel between G. G. Byron's «Giaour» and I. I. Kozlov's «The Monk», and to prove Byron's influence it involves the materials of Russian literary critics of the 1820–1830-s (P. A. Vyazemskiy, A. D. Ulybyshev, V. G. Belinskiy, etc.), comments of contemporaries (A. S. Pushkin, E. A. Baratynskiy, etc.). The article considers separately the influence of Byron's «Giaour» on the plot of I. I. Kozlov's poem «The Mad Woman», which caused ambiguous reaction in contemporary literary circles.

Key words: I. I. Kozlov, poetry, reminiscence, tradition, literary critics, Byronism, Russian-English literary ties, intercultural communication, artistic detail.

Огромная популярность творчества Байрона среди русских поэтов-романтиков, неоднократно становившаяся предметом научного исследования (В. И. Маслов, Б. В. Нейман, В. М. Жирмунский, В. И. Сахаров и др.), привела к расцвету «русского байронизма», проявившегося во множестве вариантов и оттенков, имевших существенные различия и индивидуально-авторские особенности, но вместе с тем объединенных неизменным интересом к новым формам и способам раскрытия внутреннего мира человека и художественного выражения миропонимания и мироощущения великого английского поэта. Байронические мотивы играют одну из ключевых ролей в творчестве видного русского романтика Ивана Ивановича Козлова (1779–1840): как в его

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта 6.1563.2011 (госзадание вузу Минобрнауки России на 2012–2014 гг.).

оригинальных лирических произведениях, о чем мы размышляли ранее в одной из статей [1, с. 203–206], так и в его поэмах 1820-х гг.

Своеобразным синтезом стилевых тенденций Дж. Г. Байрона, В. А. Жуковского и А. С. Пушкина стала оригинальная поэма И. И. Козлова «Чернец» (1824), которую можно считать не только одним из вершинных достижений поэта, но и ярчайшим образцом русской байронической поэмы. Об огромной популярности поэмы в широких читательских кругах писал В. Г. Белинский, признававший, что «слава Козлова была создана его «Чернецом»: «Несколько лет эта поэма ходила в рукописи по всей России, прежде чем была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слез с прекрасных глаз; ее знали наизусть и мужчины. Чернец возбуждал в публике не меньший интерес, как и первые поэмы Пушкина, с тою только разницею, что его совершенно понимали: он был в уровень со всеми натурами, всеми чувствами и понятиями, был по плечу всякому образованию» [2, с. 7]. В своем письме от 29 апреля 1825 г. М. Н. Загоскин одним из первых поблагодарил И. И. Козлова за «неизъяснимое удовольствие», которое доставило чтение «Чернеца», «исполненного истинной поэзии и глубокого чувства» [3, с. 190].

Поэма впервые вышла в свет отдельным изданием в 1825 г. под названием «Чернец, киевская повесть. Сочинение Ивана Козлова» с предисловием «От издателей», вероятно принадлежавшим перу В. А. Жуковского («Мы не хотим предупреждать суда наших читателей о небольшой поэме, которую здесь им предлагаем: и без нас они найдут в ней красоты возвышенные, и без нас могут заметить, что воображение поэта согрето пламенем чувства, что язык его силен, прост и живописен...» [4, с. 5]), и эпиграфом из поэмы Дж. Г. Байрона «Гяур»: «The wither'd frame, the ruined mind, / The wrack by passion left behind, / A shriveled scroll, a scatter'd leaf / Seared by the autumn blast of grief» [4, с. 7] («Изможденное тело, разрушенный разум, обломок пережитой страсти, сморщенный пергамент, унесенный ветром листок, увядший от осеннего вихря грусти»).

Эпиграф из «Гяюра» далеко не случаен, поскольку Козлов в работе над своим произведением ориентировался на сюжетную схему поэмы Байрона, строящуюся на предсмертной исповеди героя, обращенной к монаху. Как отмечал П. А. Вяземский, «содержание «Чернеца» занимательно: главное лицо есть характер отменно поэтический, оживляющий в памяти некоторые воспоминания о «Гяуре» Байрона; сцена действия, самое действие, довольно простое, но быстрое и полное, отдельные подробности, язык стихотворный – все озарено, все одушевлено поэтическим пламенем» [5, с. 107]. Поэме свойственны характерные для байронизма фрагментарность, стремительная динамика в развитии действия, лирические описания небывало ярких и смелых чувств, противопоставляемых тусклости и серости обывательского мира. Строй поэтической речи, взволнованной и страстной, но простой и незамысловатой, восходил к столь полюбившемуся Байрону, особенно в период «восточных поэм», к числу которых принадлежит и «Гяур», жанру баллады.

Характер героя раскрывался в действии, в борьбе с жизненными препятствиями, в столкновении с враждебной средой. Пылкий и отзывчивый в юные годы, герой испытал разочарование, отчаяние, губительную силу зла: «...дней моих весною / Уж я все горе жизни знал; / <...> / Огонь и чистый и прекрасный / В груди молодой пылал напрасно: / Мне было некого любить! / Увы! я должен был таить, / Страшась холодного презренья, / От неприветли-

вых людей / И сердца пылко волненья, / И первый жар души моей; / Уныло расцветала младость, / Смотрел я с дикостью на свет; / Не знал я, что такое радость; / От самых отроческих лет» [6, с. 316]. Эта характерная черта «Чернеца» была тонко подмечена П. А. Вяземским в 1825 г.: «При самом рождении Чернец уже познакомился с несчастьем сиротства и под гнетом строгой судьбы образовался к сильным и мрачным страстям» [5, с. 107].

Отторгнутый ненавистным ему жестоким миром, герой скитается по лесам, переплывает Днепр, играя с опасностью и бросая вызов судьбе: «Любил я по лесам скитаться, / День целый за зверьми гоняться, / Широкий Днепр переплывать, / Любил опасностью играть, / Над жизнью дерзостно смеяться, – / Мне было нечего терять, / Мне было не с кем расставаться» [6, с. 317]. Мотивы страдания, изгнанничества, одиночества восходят к традициям творчества Дж. Г. Байрона.

Выход из порочного круга одиночества, осуществление своей мечты о счастье Чернец находит в любви к девушке (подобно Гяуру, страстно полюбившему Лейлу, испытывавшую к нему взаимные чувства): «И вдруг дано мне небесами / И жить, и чувствовать вполне, / И плакать сладкими слезами, / И видеть счастье не во сне! / С какой невинностью святою / Она пылающей душою / Лила блаженство на меня! / <...> / Сбылося в ней мое мечтанье, / Весь тайный мир души моей, – / И я, любви ее созданье, / И я воскрес любовью к ней!» [6, с. 318]. Как видим, любовь становится основным сюжетобразующим мотивом поэмы.

Но по аналогии с «Гяуром», где ревнивый и коварный муж Лейлы Гесан выследил ее и злодейски убил, злой соперник чернеца убивает возлюбленную своими кознями и клеветой, распуслав слух, что отец девушки проклял дочь и не простил побег и тайное венчание влюбленных: «В опасный час к нам весть несется, / Что вся надежда отнята, что дочь отцом уж проклята... / Обман ужасный удастся – / Злодей несчастную убил: / Я мать с младенцем схоронил» [6, с. 320].

Потеря возлюбленной вносит в душу героя горе и отчаяние, обрекая его на страдания, мучительные воспоминания о минувшем счастье и долгие странствования в надежде обрести покой (что вновь наводит нас на мысль о скитающемся в далеких краях, одиноком байроническом герое-отшельнике): «Я бросил край наш опустелый; / Один, в отчаяньи, в слезах, / Блуждал, с душой осиротелой, / В далеких дебрях и лесах. / <...> / Угрюмый, скорбный, одичалый, / Терзался я мечтой бывалой; / Рыдал о том, чего уж нет» [6, с. 321]. Образ-видение любимой женщины, посещающий героя, во многом ирреален, подобен «пленительной тени»: «Покрыта белой пеленой, / Она предстала предо мной, / И очи черные горели / Ярче звезд осенней ночи / <...> / И то была, поверь... она! / Она, прекрасная, младая! / Ее улыбка неземная! / И кудри темные с чела / На грудь лилейную бежали, / И мнилось мне, ее уста / Былое, милое шептали; / Все та ж любовь в ее очах / <...> / Но сердце у нее не бьется, / Молчит пленительная тень» [6, с. 328].

Чернец, активная, страстная и полная решимости личность, вместе с тем несет в себе и черты христианского смирения, уповая на загробную встречу с любимой: «О чем теперь и как молиться? / Чего мне ждать у алтарей? / Мне ль уповать навеки с ней / В святой любви соединиться?» [6, с. 326]. В этом поэма Козлова существенно отклоняется от основной

концепции байронической поэмы, не содержащей в себе религиозных идей, отрицающей возможность покорности и внутреннего компромисса.

Тема бога, божественного покаяния находится у Козлова в центре всего повествования. Даже убийство соперника рассматривается не как акт мести, а как искушение, перед которым не устоял Чернец, находясь в состоянии аффекта, и которое привело героя в монастырь в надежде искупить свой грех: «Не думал я его искать, / Я не хотел ему отмщать / <...> / То знает совесть, видит бог: / Хотел простить – простить не мог. / <...> / В обитель вашу я вступил, / Искал я слез и покаянья; / <...> / Я мнил, отец мой, между вами / Небесный гнев смягчать слезами; / Я мнил, что пост, молитва, труд / Вине прощенье обретут» [6, с. 326].

По словам В. Г. Белинского, «содержание «Чернеца» напоминает собою содержание Байронова «Джияура»; есть общее между ними и в самом изложении. Но это сходство чисто внешнее: «Джияур» не отражается в «Чернеце» даже и как солнце в малой капле воды, хотя «Чернец» и есть явное подражание «Джияуру». Причина этого заключается сколько в степени талантов обоих певцов, столько и в разности их духовных натур. «Чернец» полон чувства, насквозь проникнут чувством – и вот причина его огромного, хотя и мгновенного успеха» [2, с. 7].

Вера Козлова в жизнь после смерти, в блаженство и радужность загробного мира получила яркое воплощение в поэме. Не найдя успокоения в молитвах, в монастыре, Чернец обретает долгожданное счастье при воссоединении с любимой и сыном на небесах: «И с ложа на колена пал / Чернец, и замер голос муки; / Взор оживился, засверкал; / К чему-то вдруг простер он руки, / Как иступленный закричал: / «Ты здесь опять!.. конец разлуки!»» [6, с. 328]. Таким образом, в основу сюжета поэмы заложены мотивы искупления и прощения (те же мотивы см., например, в [7, с. 37–42]) – автором показано столкновение земной любви, с ее неистовыми страстями и страданиями, с любовью небесной, чистой и непоколебимой.

Говоря о композиции поэмы, следует отметить, что Козлов отходил от традиционного для байронизма «вершинного» построения сюжета, заменяя его последовательным изложением событий, не лишенным, однако, фрагментарности.

А. Д. Улыбышев, который, подобно В. Г. Белинскому, не был сторонником отождествления Козлова с Байроном, писал в своей статье, впервые напечатанной на французском языке и републикованной в русском переводе в одном из номеров «Новостей литературы» за 1825 г.: «Не думайте, однако ж, найти в русском авторе рабского подражателя лорду Бейрону. Если он заимствовал от него смелые и таинственные формы повествования, столь близкие к романтической поэзии, то честь изобретения собственно ему принадлежит. Герой поэмы имеет свой особенный отпечаток и нимало не походит на героев Бейрона. Последние отличаются каким-то фатализмом: это существа, выходящие из круга человечества; это потомки древних титанов, которые носят на челе своем как бы наследственное клеймо, печать отвержения, постигшего гордых и мятежных предков» [8, с. 481]. Чернец Козлова выделяется своим сиротским, безродным происхождением и этим во многом противопоставлен байроническому герою.

Интересен и отзыв Е. А. Баратынского, в котором он размышлял о перенесении Козлова в привнесении черт национальной самобытности в русскую

романтическую поэзию: «Это превосходное произведение, на мой взгляд. Все положения исполнены силы, столь живой, бушующей красками <...>. Места, где вы подражаете Байрону, <...> великолепно звучат по-русски. Но в чем бы сам Байрон хотел бы вам подражать – так это конец вашей поэмы. Он особенно поражает воображение. Он пронизан каким-то особенным национальным романтизмом, и я думаю, что вы первый, кто так хорошо это схватил» [3, с. 187]. Православный обряд погребения, описанный в финале произведения, и колоритные киевские пейзажи придают поэме Козлова подчеркнuto национальный характер.

Высокую оценку «Чернецу» и творческому гению Козлова дал А. С. Пушкин в своем послании, созданном при получении поэмы: «Певец, когда перед тобой / Во мгле сокрылся мир земной, / Мгновенно твой проснулся гений, / На все минувшее воззрел / И в хоре светлых привидений / Он песни дивные запел. / О, милый брат, какие звуки! / В слезах восторга внемлю им: / Небесным пением своим / Он усыпил земные муки, / Тебе он создал новый мир: / Ты в нем и видишь, и летаешь, / И вновь живешь, и обнимаешь / Разбитой юности кумир» [9, т. 2/1, с. 174].

Национальный характер и простой крестьянский быт отображены в поэме И. И. Козлова «Безумная» (1830), первое издание которой (под названием «Безумная. Русская повесть в стихах. Сочинение Ивана Козлова») было опубликовано с эпиграфом из поэмы Дж. Г. Байрона «Гяур»: «...thou wert, thou art / The cherish'd madness of my heart!» [10, с. 5] («...ты была, ты есть взлелеянное безумие моего сердца!»).

Двух героев, байроновского Гяура и крестьянку из поэмы Козлова, объединяют несчастная любовь, страдания по любимому, но недостижимому человеку, земные страсти, представляющие собой главные, сюжетообразующие мотивы обоих произведений. Если слова из поэмы Байрона обращены к Лейле, гибель которой оплакивает Гяур, то в поэме Козлова девушка, доведенная до безумия предательством своего возлюбленного, все еще ждет его возвращения, храня в сердце безответную любовь, перед которой поблекли все прежние радости жизни: «Она, крушимая тоской, / В безумии любви земной / <...> / <...> она сидела / Печально-сумрачно бледна; / Невнятно, тихо что-то пела» [6, с. 416].

Облик женщины навевает мысли о смерти, словно витающей вокруг нее («Улыбка на ее лице; / Она – как из цветов душистых / Венок на бледном мертвце» [6, с. 416]), – ее появление перед странником напоминает возникновение призрака, «привиденья», обнаруживая отдаленное сходство с байроническими видениями: «Но кто, как тень, как привиденье, / Как полуночное явление, / Могил таинственный жилец, / На срок отпущенный мертвец, – / Кто там мелькает предо мною? / <...> / По белому челу бежали / Струи разметанных кудрей / И тмили чудный блеск очей» [6, с. 414–415].

Встреча безумной и путника происходит на фоне ночного пейзажа, временами озаряющегося багровыми вспышками, как бы отображавшими игру света и тьмы, жизни и смерти (данный стилистический прием восходит к Байрону): «Зажглось небо надо мной, / Горит кровавою зарей; / Волнуясь, север пламенеет, / То весь багровый, то бледнеет, / И море зыбкого огня / Готово хлынуть на меня» [6, с. 412]. Героиня и в этой ситуации противостоит бездушию, черствости, беспощадности общества, становясь одиноким изгнанником: «Пропало все! Родня, чужие, / Все меня пеняют, все бранят! /

Когда б ты знал, что говорят! / Крестьянки грубые, простые / Со мной встречаться не хотят!» [6, с. 421].

Наряду с несомненными достоинствами поэмы, как-то: выразительное описание природы, изображение чистой, искренней любви, томящейся души, сталкивающейся с жестокостью окружающего мира, образность стиха, – современники И. И. Козлова отмечали искусственность и надуманность характера крестьянки, особенно ярко выразившиеся в монологах героини. Об этом, в частности, так писал А. А. Дельвиг: «В поэме «Безумная» каждый стих звучит не фистулою, но чистыми и полными тонами, прямо возникшими из прекрасного сердца. Это пение соловья, успокаивающее душу, но не удовлетворяющее фантазии. Разделяешь печаль с милым певцом и невольно сердиться на него, что он заставил нас плакать от несчастий вымышленных и рассказанных оперною актрисою, а не настоящею поселянкой» [11, с. 267]. В. Г. Белинский рассматривал поэму «Безумная», «как повторение «Чернеца»: «... слова другие, но мотив тот же, а одно и то же утомляет внимание, перестает возбуждать участие» [2, с. 8]. Именно этим в значительной мере объясняется то обстоятельство, что «Безумная», равно как и другая поэма И. И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», не смогла даже отчасти повторить успех «Чернеца».

Список литературы

1. **Жаткин, Д. Н.** Традиции творчества Дж.-Г. Байрона и байронические мотивы в лирике И. И. Козлова / Д. Н. Жаткин, С. В. Бобылева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 203–206.
2. **Белинский, В. Г.** О творчестве И. И. Козлова / В. Г. Белинский // Отечественные записки. – 1841. – Т. XV, ч. VI. – С. 1–7.
3. **Иванов, В. И.** Байронизм как событие в жизни русского духа / В. И. Иванов // Иванов В. И. Родное и вселенское / сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачева. – М.: Республика, 1994. – С. 269–272.
4. **Козлов, И. И.** Чернец: киевская повесть / И. И. Козлов. – СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1825. – 64 с.
5. **Вяземский, П. А.** «Чернец», киевская повесть. Сочинение Ивана Козлова / П. А. Вяземский // Вяземский П. А. Сочинения: в 2 т. – М.: Худ. лит., 1982. – Т. 2. – С. 106–111.
6. **Козлов, И. И.** Полное собрание стихотворений / И. И. Козлов. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 508 с.
7. **Жаткин, Д. Н.** Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века / Д. Н. Жаткин, В. К. Чернин // Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 37–46.
8. **Гликман, И. Д.** Примечания / И. Д. Гликман // Козлов И. И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1960. – С. 441–490.
9. **Пушкин, А. С.** Полное собрание сочинений: в 17 т. / А. С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1994–1999. – Т. 1–17.
10. **Козлов, И. И.** Безумная: русская повесть в стихах / И. И. Козлов. – СПб.: Тип. А. Смирдина, 1830. – XI. – 33 с.
11. **Дельвиг, А. А.** Сочинения: стихотворения, статьи, письма / А. А. Дельвиг; сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацура. – Л.: Худ. лит. (Ленингр. отделение), 1986. – 472 с.

References

1. **Zhatkin, D. N.** Traditsii tvorchestva Dzh.-G. Bayrona i bayronicheskie motivy v lirike I. I. Kozlova / D. N. Zhatkin, S. V. Bobyleva // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2010. – № 4. – S. 203–206.

2. **Belinskiy, V. G.** O tvorchestve I. I. Kozlova / V. G. Belinskiy // Otechestvennyye zapiski. – 1841. – T. XV, ch. VI. – S. 1–7.
3. **Ivanov, V. I.** Bayronizm kak sobytie v zhizni russkogo dukha / V. I. Ivanov // Ivanov V. I. Rodnoe i vselenskoe / sost., vstup. st. i prim. V. M. Tolmacheva. – M. : Respublika, 1994. – S. 269–272.
4. **Kozlov, I. I.** Chernets : kievskaya povest' / I. I. Kozlov. – SPb. : Tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1825. – 64 s.
5. **Vyazemskiy, P. A.** «Chernets», kievskaya povest'. Sochinenie Ivana Kozlova / P. A. Vyazemskiy // Vyazemskiy P. A. Sochineniya : v 2 t. – M. : Khud. lit., 1982. – T. 2. – S. 106–111.
6. **Kozlov, I. I.** Polnoe sobranie stikhotvoreniy / I. I. Kozlov. – L. : Sov. pisatel', 1960. – 508 s.
7. **Zhatkin, D. N.** Poema Al'freda Tennisona «Ledi iz Shalotta» v russkikh perevodakh kontsa XIX veka / D. N. Zhatkin, V. K. Chernin // Filologicheskie nauki. – 2009. – № 2. – S. 37–46.
8. **Glikman, I. D.** Primechaniya / I. D. Glikman // Kozlov I. I. Polnoe sobranie stikhotvoreniy. – L. : Sov. pisatel', 1960. – S. 441–490.
9. **Pushkin, A. S.** Polnoe sobranie sochineniy : v 17 t. / A. S. Pushkin. – M. : Voskresen'e, 1994–1999. – T. 1–17.
10. **Kozlov, I. I.** Bezumnaya : russkaya povest' v stikhakh / I. I. Kozlov. – SPb. : Tip. A. Smirdina, 1830. – XI. – 33 s.
11. **Del'vig, A. A.** Sochineniya : stikhotvoreniya, stat'i, pis'ma / A. A. Del'vig ; sost., vstup. st., komment. V. E. Vatsuro. – L. : Khud. lit. (Leningr. otделение), 1986. – 472 s.

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения, Пензенская
государственная технологическая
академия
(г. Пенза, проезд Байдукова, 1а)

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitriy Nikolaevich

Doctor of philological sciences, professor,
head of sub-department of translation
and methods of translation, Penza
State Technological Academy
(Penza, 1a Baydukova passage)

Бобылева Светлана Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра перевода и переводоведения,
Пензенская государственная
технологическая академия
(г. Пенза, проезд Байдукова, 1а)

E-mail: darlis@list.ru

Bobyleva Svetlana Vyacheslavovna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of translation and methods of translation,
Penza State Technological Academy
(Penza, 1a Baydukova passage)

УДК 820

Жаткин, Д. Н.

**К вопросу о байронических мотивах и традициях творчества
Дж.-Г. Байрона в поэмах И. И. Козлова / Д. Н. Жаткин, С. В. Бобылева //**
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные
науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 112–118.